

Усы / рассказ

Category: Goşgular, Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Усы / рассказ УСЫ

Замок Соль, 30 июля 1883 года.

Дорогая Люси, ничего нового. Мы проводим жизнь в гостиной, глядя, как идет дождь. В такую ужасную погоду никуда не выйдешь, а потому мы занялись спектаклями. Ах, милочка, до чего глупы теперешние салонные пьесы! Все в них натянуто, грубо, тяжеловесно. Шутки напоминают пушечные ядра, уничтожающие все на своем пути. Ни остроумия, ни естественности, ни добродушия и ни капли изящества! Писатели, право, совершенные невежды! Они понятия не имеют о том, как в нашем кругу мыслят и говорят. Я охотно прощаю им презрение к нашим обычаям, нашим условностям, нашим манерам, но не прощаю того, что они вовсе их не знают. Чтобы казаться изысканными, они прибегают к игре слов, способной рассмешить разве что солдат в казарме; чтобы казаться веселыми, преподносят нам остроты, подобранные на высотах Внешних бульваров, в так называемых артистических пивных, где уже пятьдесят лет повторяют все одни и те же студенческие парадоксы.

Как бы то ни было, мы устраиваем спектакли. Женщин у нас только две, а поэтому мой муж взял на себя роли субреток и ради этого сбрил усы. Ты не поверишь, дорогая Люси, как это его преобразило! Я не узнаю его... ни днем, ни ночью. Если бы он тотчас же не стал их отращивать снова, я, кажется, изменила бы ему, до такой степени он мне не нравится бритым.

Право, мужчина без усов – уже не мужчина. Я не особенная поклонница бороды; она почти всегда придает неряшливый вид, но усы, – о, усы на мужском лице совершенно необходимы! Нет, ты и представить себе не можешь, до какой степени эта маленькая, щеточка над губой приятна для глаз и... полезна для... супружеских отношений. На этот счет мне пришла в голову уйма соображений, которыми я не решаюсь поделиться с тобой в письме. Я охотно

сообщила бы тебе их... на ушко. Но так трудно найти слова, чтобы выразить некоторые мысли, а иные слова, которые ничем не заменишь становятся на бумаге до того гадкими, что я не решаюсь их написать. Вдобавок вопрос это такой сложный, такой щекотливый, такой скользкий, что нужно тончайшее искусство, чтобы рискнуть подойти к нему.

Словом, если ты меня не поймешь, делать нечего. Но все-таки постарайся, дорогая, прочесть кое-что между строк.

Да, когда муж пришел ко мне бритый, я сразу поняла, что никогда не почувствую слабости ни к актеру, ни к проповеднику, – будь то хоть отец Дидон, самый привлекательный из всех! А позже, когда я очутилась с ним (с моим супругом) наедине, получилось еще того хуже. О, дорогая Люси, никогда не позволяй целовать себя безусому мужчине; его поцелуи совсем безвкусны, совсем, совсем! Пропадает вся прелесть, вся мягкость и... пикантность, да, пикантность настоящего поцелуя. Усы – необходимая приправа.

Представь, что тебе прикладывают к губам пергамент – сухой или влажный. Вот поцелуй бритого мужчины. Тут не из-за чего стараться!

В чем же очарование усов, спросишь ты? Как знать? Во-первых, усы восхитительно щекочат. Их ощущаешь прежде, чем губы, и тогда по всему телу, до самых пяток, пробегает сладостная дрожь. Именно: усы ласкают, вызывают содрогание и мурашки на коже и приводят нервы в тот упоительный трепет, от которого издаешь коротенькое «ах», как от внезапного холода.

А на шее! Да, чувствовала ли ты когда-нибудь прикосновение усов к своей шее? Это ощущение пьянит, пронизывает судорогой, опускается по спине, сбегает к кончикам пальцев, заставляет извиваться, подергивать плечами, запрокидывать голову; хочется и убежать и остаться; это восхитительно-волнующе! Упоительно!

К тому же... но, право, я не решаюсь... Любящий муж, любящий, что называется, как следует, умеет находить уйму таких местечек для нежных поцелуев, таких уголков, о которых сама я и не подумала. Так вот без усов и эти поцелуи очень много теряют во вкусе, не говоря уже о том, что они становятся почти неприличными! Объясняй это как знаешь! Что касается меня, то я

нашла этому следующее объяснение. Губа без усов кажется голой, как тело без одежды, а ведь одежда всегда нужна – хоть в самом небольшом количестве, а все-таки нужна:

Создатель (я не смею воспользоваться другим словом, говоря о подобных вещах), создатель позаботился о том, чтобы прикрыть всей тайники нашего тела, где должна таиться любовь. Сбрить усы – это, по-моему, все равно, что срубить рощу вокруг родника, из которого можно напиться и возле которого приятно отдохнуть.

Это напоминает мне фразу одного государственного деятеля – она уже три месяца не выходит у меня из головы. Мой муж всегда следит за газетами, и как-то вечером он прочел мне очень странную речь министра земледелия, которым был тогда г-н Мелин. Занимает ли о по-прежнему этот пост? Не знаю.

Я не слушала чтения, но эта фамилия – Мелин меня поразила. Она почему-то напомнила мне «Сцены из жизни богемы». Я вообразила, что речь идет о какой-то гризетке. Вот отчего некоторые отрывки из этой речи и засели у меня в голове. А г-н Мелин, помнится, держал речь к жителям Амьена и заявил, – смысла этой фразы я долго не могла доискаться: «Без земледелия нет любви к отечеству!». Так вот теперь мне стал ясен смысл этих слов, и я тебе, в свою очередь, заявляю, что без усов нет любви. Послушать – это звучит смешно, не правда ли?

Без усов нет любви!

«Без земледелия нет любви к отечеству», – утверждал г-н Мелин; министр был прав, теперь я вполне его понимаю!

Хоть и с совсем иной точки зрения, но усы так же необходимы. Усы определяют внешность. Они придают вид ласковый, нежный, порывистый, мрачный, разгульный, решительный. У бородатого мужчины, – действительно бородатого, такого, который совсем не бреет растительности (у-у, противное слово!), – никогда не бывает тонко очерченного лица, потому что контуры его скрыты. А ведь всякому, кто умеет видеть, рисунок челюстей и подбородка говорит многое.

Мужчина же с усами сохраняет присущее ему своеобразие и изящество.

А какие разные бывают усы! Одни закручены, завиты, кокетливы.

Сразу видно, что такие больше всего на свете любят женщин. Другие остроконечны, угрожающи, заострены, как иглы. Эти предпочитают вино, лошадей и сражения.

Третьи огромны, ниспадают вниз, пугают. За такими усищами обычно скрывается превосходный характер, доброта, граничащая с слабоволием, и кротость, доходящая до застенчивости.

Помимо всего прочего, усы мне нравятся уже тем, что в них есть что-то французское, подлинно французское. Они достались нам от наших предков – галлов – и всегда были выражением нашего национального духа.

Усы хвастливы, галантны, молодцеваты. Они мило увлажняются вином и умеют изящно хохотать, тогда как широкие, заросшие волосами щеки при всех обстоятельствах бывают неуклюжи.

Знаешь, мне помнится один случай, он вызвал у меня горючие слезы и, как я теперь понимаю, научил меня любить усы.

Это произошло во время войны в папином имении. Я тогда еще была не замужем. Однажды возле нашего замка произошла стычка. С самого утра я слышала, как стреляли из пушек и ружей, а вечером к нам явился прусский полковник и остался у нас ночевать. На другой день он уехал. Папе доложили, что в окрестных полях лежит много убитых. Он распорядился подобрать их и перенести в наш парк, чтобы похоронить в братской могиле. Их приносили и укладывали по сторонам длинной еловой аллеи; от них уже шел нехороший запах, поэтому их слегка засыпали землей, пока не будет вырыта общая могила. Виднелись только головы с закрытыми глазами, словно вылезавшие из земли и желтые, как она сама.

Мне захотелось взглянуть на них; но, увидев эти два ряда страшных лиц, я почувствовала себя дурно. Потом я принялась разглядывать их одно за другим, стараясь угадать, кем были эти люди в жизни.

Мундиры были засыпаны, скрыты под землей, и все-таки я сразу – да, дорогая, сразу же – узнавала французов по усам!

Некоторые из них побрились в самый день сражения, словно им хотелось быть красивее до последней минуты! Все же борода у них немного отросла, – знаешь, она ведь растет и после смерти. Другие, по-видимому, не брились уже целую неделю; но как бы то

ни было, у всех у них были французские усы, особенные, горделивые, которые словно говорили: «Не смешивай меня, крошка, с моим бородатым соседом; я тебе брат».

И я плакала. О, я не плакала бы так, не узнай я этих бедных мертвецов по усам!

Зря я тебе это рассказала. Теперь мне взгрустнулось, и я уже не могу больше болтать. Итак, прощай, дорогая Люси; целую тебя от всего сердца. Да здравствуют усы!

Жанна.

С подлинным верно:

Ги де Мопассан.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 31 июля 1883 г. под псевдонимом Мофриньёз.

Отец Дидон (1840 – 1900) – монах-доминиканец, популярный проповедник в Париже 70 – 90-х годов.

Мелин (1838 – 1925) – французский политический деятель-республиканец и министр Третьей республики.

«Сцены из жизни богемы» – роман французского писателя Анри Мюрже (1822 – 1861), изданный в 1851 году.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 5. МП «Аурика», 1994

Перевод Е. Гунст Goşgular